

Светлана Химич

Дверь

Книга первая

АННА

Глава 1

Влад с трудом открыл глаза. Он, кажется, немного задремал сидя в кресле. Шея затекла от долгого пребывания в неудобной позе, и ему пришлось пережить несколько не приятных моментов, выпрямляя плечи и спину. На стареньком, потертом диванчике, укутавшись в плед, свернувшись калачиком спала Анна. Впервые за последние сутки ей удалось уснуть. В ее лице не было обычной безмятежности спящего. Это было лицо уставшего, очень уставшего человека. Вертикальные складки на лбу говорили о том, что даже во сне человек не обрел долгожданного облегчения.

Мужчина оглядел комнату. Тяжелые шторы на большом, почти во всю стену окне, практически не пропускали света. Однако его было достаточно, что бы в общих деталях можно было разглядеть не дорогое убранство помещения. Книжная полка не

пестрила изобилием чтива: толстый том какого то зарубежного романа, несколько журналов со сканвордами, шариковая ручка... В самом дальнем углу — Библия. Судя по запыленной обложке — не очень популярная книга в этом доме. Остальную, большую поверхность полки занимали горшки с цветами и разного рода статуэтки, не имеющие между собой ни какой видимой связи. Небольшой стеклянный столик стоял прямо посреди комнаты, отражая в идеально чистой поверхности скудные блики дневного света. Старый диван, туго обтянутый кожей, из тех, которые наши бабушки из жалости выкинуть на помойку, вывозили на далекую дачу доживать свой век. В тон дивану — пара кресел с потертыми подлокотниками. Шкаф — купе, с зеркалом во всю дверцу, скромно ютился в дальнем углу. Завершал картину ковер, с причудливым оранжево — черным узором, уютно покрывавший выдавший виды паркет, бывший по-видимому, когда — то, гордостью этой комнаты.

Влад снова посмотрел на спящую женщину. Копна русых локонов небрежно разметалась по подушке. Бледное лицо Анны, при таком освещении, казалось лицом фарфоровой куклы, с ярко нарисованным красным карандашом талантливым художником, ртом. Небольшой вздернутый нос придавал лицу милые, почти детские черты.

Они были знакомы давно. Иногда даже Владу казалось, что всю жизнь. Но это было не так. Он вдруг вспомнил их первую встречу...

В тот день моросил дождь: холодный и неуютный. Ветер, в тон дождю, шелестел опавшей с деревьев листвой, и они робко гонялись друг за дружкой по мокрому асфальту. Влад куда-то очень спешил, и, прикрываясь воротником плаща от назойливого дождя, не обращал ни какого внимания на таких же, куда то спешивших, редких прохожих. Вдруг его взгляд мельком скользнул по одинокой фигурке, сидящей на скамейке женщины. В руках она держала туфлю. Каблук башмака предательски вывернулся в противоположную сторону. Мужчина остановился. Ему очень захотелось помочь бедной девушке, но он не знал как. Она подняла на него взгляд — в нем не было ни капли отчаяния. Только слабая тень удивления в огромных, серых глазах.

Влад присел на скамейку рядом с необычной девушкой и, сняв с себя ботинки, протянул их незнакомке. Девушка вдруг весело рассмеялась, сняла туфель со второй ножки, и бодро пошла босая по лужам. Он последовал за ней, смеясь и радуясь сам не понимая чему, так и не вспомнив про забытые в парке ботинки.

Глава 2

Зоя Михайловна не спала. Она ждала сына, решительно настроившись на серьезный разговор. Она должна, просто обязана, в конце концов, донести до его сознания всю важность своего желания иметь внуков. Ему тридцать пять лет, он хорош собой, не глуп, имеет хорошее образование и не плохой, по нынешним меркам, стабильный доход. Не олигарх, конечно, но на довольно сносную или даже безбедную жизнь хватит, даже если мать его будущего ребенка полностью посвятит себя мужу и домашнему очагу, а не будет сидеть целыми днями в офисе кой-какой турфирмы, стараясь продать по выгоднее пачку, ни кому не нужных, «горящих туров». В прихожей послышались шаги, и Зоя Михайловна поспешила встретить сына. Его вид не вызвал у нее восторга. «Опять не спал» — пронеслось в голове женщины. Не поддавшись искушению сделать замечание сыну, женщина приветливо улыбнулась:

— Доброе утро, дорогой, — произнесла Зоя Михайловна, принимая из рук сына кожаную куртку.

— Спал как убитый, — не моргнув глазом, быстро соврал Влад, — и голодный как волк, — уже честно признался он.

Зоя Михайловна вздохнула, не зная, как перейти к неприятному разговору.

— А что, там, где ты был, тебя даже не

удосужились угостить завтраком? — нервно начала она.

Приветливая улыбка мгновенно сползла с физиономии сына:

— Мам, не начинай... — тихо, но твердо произнес он.

— Владик, — опять ласково заговорила Зоя Михайловна, — ну зачем она тебе? Мне тоже жаль Аню, но это ее жизнь, ее крест. Какое ты можешь иметь отношение ко всему тому, что с ней происходит?

Постепенно тон матери стал заметно тверже и тут же высветил железный характер этой хрупкой на вид, еще не старой женщины.

— Тебе уже....- опять было начала она, но остановилась — сын не слушал ее. Он молча снял с вешалки куртку и осторожно закрыв за собой дверь, вышел прочь.

Последние годы отношения между матерью и сыном не то, что бы обострились, а как то постепенно стерлись. После внезапной кончины отца, Зоя Михайловна переключила все свое внимание на единственное дитя. Ей было жизненно необходимо заботиться о ком то, как она делала всю свою жизнь. С тех пор, как вышла замуж, она ни когда не работала. Муж ее, практикующий профессор медицинских наук, неплохо зарабатывал, и настоял на том, что бы жена

занималась исключительно семьей и домом. Поначалу это тяготило молодую женщину, ей было скучно одной в огромной квартире, но со временем она втянулась, ей стало нравиться то, чем она занимается. Сколько Влад себя помнил, в квартире была идеальная чистота, которой бы позавидовала любая московская аптека, завтрак, обед и ужин всегда подавались по расписанию, шторы шились в строгом соответствии с мебелью и потолком, и даже кухонная утварь покупалась в тон обоям.

Теперь же, когда кроме Влада у нее ни кого не осталось, женщина решила, во что бы- то не стало устроить его брак, относясь к этому с той же щепетильностью, с какой устраивала быт в своем жилище. В доме бесконечной чередой, невесть откуда, стали появляться одноклассницы, однокурсницы и даже коллеги Зои Михайловны со своими высокообразованными, интеллигентными «девочками», безнадежно засидевшимися в невестах по причине их занятости своим образованием и карьерой. Влад немного смущало слово «коллега». Он знал что мама ни когда не работала, и в какой сфере деятельности у нее могли быть коллеги, мужчине оставалось только гадать, так как задать этот вопрос матери он не решался. Зато Владу были очевидны намерения Зои Михайловны, и он старался как можно реже бывать дома в «приемные часы» оправдывая свое

отсутствие чрезвычайной занятостью на работе.

Глава 3

День пах весной. В грязной луже весело барахтались исхудавшие за зиму и изрядно потрепанные морозами воробьи, с радостью избавляясь от всевозможных птичьих паразитов и ненужных перьев. Из — за старой, серой как полевая мышь пустующей цветочной вазы, сделанной из высококачественного бетона руками пьяного мастера еще в прошлом тысячелетии, за ними внимательно наблюдал такой же облезлый кот. Стараясь оставаться невидимым для птиц, он медленно перемещался вдоль бетонного «шедевра», пытаясь подобраться поближе к заветной луже. Но всякий раз, когда кот уже был готов к эффектному прыжку дикого охотника, стайка весело взмывала вверх и опускалась на соседнюю выбоину в асфальте, наполненную грязной водой. Влад задорно улыбнулся коту:

— Что, дружище, тоже не кормят?

Тот безучастно посмотрел снизу вверх на человека, словно оценивая произнесенную им фразу, и оглядев пространство, ловко переместился к следующему укрытию, поближе к беззаботной стайке.

В недорогом, но вполне приличном кафе,

Влад выпил чашечку черного кофе и почувствовал себя гораздо лучше. Есть расхотелось. На красивой тарелке высилось разноцветной горкой, какое то экзотическое блюдо, услужливо поданное худеньким, чистеньким официантом.

— Мне с собой, — кивнул Влад на тарелку.

Паренек, без лишних вопросов, быстро упаковал блюдо в фирменный пакетик, вежливо попрощался с клиентом, не забыв при этом пригласить его зайти сюда еще раз на «чашечку кофе».

Выйдя на воздух, Влад глазами отыскал кота, все еще свято верящего в свою удачу и аккуратно развернув сверток сунул его под нос удивленному зверю. Тот немного помедлив, ловко схватил зубами пакет, и воровато озираясь, бросился бежать за угол ближайшего дома.

— Хоть бы «спасибо» сказал, — рассмеялся Влад, и, взглянув на часы, поспешил на работу.

Войдя в кабинет, Влад с удовольствием скинул с себя насквозь промокшие ботинки.

Натянув легкие, итальянские мокасины из свиной кожи, блаженно опустился в огромное мягкое кресло. Бессонная ночь давала о себе знать: мозг не желал переключаться на рабочий лад и требовал оставить его в покое. Глаза предательски закрывались и были полностью солидарны с головой. С трудом переборов острое желание

покориться зову уставшего организма, Влад набрал номер телефона. На том конце сразу же подняли трубку: его звонка явно ждали.

— Что у нас, Оля? — без предисловий спросил Влад.

— Я сейчас зайду, Владислав Германович, — ответил приятный женский голос и в трубке заняли короткие гудки.

Мужчина знал, что скорее всего, опять ни чего утешительного он не услышит, но с упорством, каким часто обладают брошенные нерадивыми хозяевами собаки, все еще надеялся на чудо. В то, что вопреки здравому смыслу, чудо случится и он снова окажется в доброй, уютной обстановке утерянного навсегда мира.

Ольга зашла без предварительного стука. Она понимала, что сейчас ему не до условностей и для него куда важнее то, что она скажет, нежели установленный этикет.

— Клиника Штутгарта прислала ответ. Они готовы взяться за операцию, но только в качестве эксперимента. Случай уникальный, но ни каких гарантий предоставить они не могут.

Научное исследование и не более...

— Лабораторная мышь, — медленно произнес Влад. Подойдя к окну, он одним движением распахнул его настежь. Ему до боли в висках не хватало сейчас воздуха.

— Вы же врач, Владислав Германович, и понимаете, что чуда не случится, — опять заговорила Ольга, — все, что ей сейчас нужно — это как можно более счастливо дожить отведенный ей срок...

— О каком счастье ты говоришь, Ольга, — перебил ее Влад, сорвавшись на крик, — ты знаешь, как она живет? Нет? А я знаю! Ты понимаешь хоть, как это жить, мечтая о смерти и заснув на пару часов бояться проснуться!?

— Прости меня, — виновато произнес он минуту спустя, — спасибо тебе.

Ольга вышла из кабинета. В ее глазах стояли слезы, готовые в любую минуту вырваться наружу. Нет, она не обижалась на него — ей просто было безумно жаль этого человека, походившего сейчас на загнанного в угол дикого зверя и знающего, что это конец, но продолжавшего в молчаливом отчаянии скалить зубы в яростном нежелании смириться с судьбой.

Она любила его. И знала, что ни когда не получит награду за это. Знала, что жизнь Влада целиком зависит от жизни девушки, которая медленно и совсем не справедливо, с точки зрения человека, умирает. Знала, что он ни когда не сможет полюбить кого-то еще той же любовью, которой он любил Анну. А на меньшее — Ольга и сама бы ни за что не согласилась. Они были

знакомы с тех пор, когда Влад работал еще рядовым врачом, а она, будучи студенткой мединститута, проходила практику в одной из рядовых поликлиник большого города. Владу сразу понравилась веселая девушка с хорошей фигурой и искрометным юмором. Некоторое время он наблюдал за ней, и, заметив ее ответное внимание, однажды пригласил на ужин. У них не случилось бурного романа. С ней было легко и весело. Их отношения были скорее дружескими. Пару раз она даже приходила к Владу домой, но после того, как Зоя Михайловна заприметила в ней потенциальную невестку, мужчина перестал приглашать девушку к себе. А через несколько месяцев он повстречал Анну и их отношения медленно сошли на «нет».

Ольга болезненно переносила разрыв, но виду не показывала. Иногда звонила, исключительно для того, что бы услышать его голос, задавала дежурные вопросы и надеялась, глубоко в душе, услышать в его голосе хотя бы сожаление о том, чего у них так и не случилось. Потом даже устроилась на работу в коммерческую клинику, где Влад уже занимал должность главного врача.

Она знала об Анне, и каждый раз боялась услышать о том, что мужчина женится. Но время шло, а он так и оставался холостяком. Девушку волновала такая ситуация, но со временем она сделала вывод, что дело совсем не в их браке, а в их

отношениях. Они были неприемлемы, возможно, для других, но совершенно естественны для этой пары.

С тех пор прошло много лет. Ольга успела даже выйти замуж. Счастливец оказался молодой преуспевающий бизнесмен, занятый двадцать четыре часа в сутки своим бизнесом и женившийся, как потом выяснилось, только для того, что бы, не тратить время на рестораны и прачечные. Она редко встречалась с мужем, детей он «пока не планировал» и, в конце концов, они развелись. Все, что осталось у молодой женщины от брака — это однушка в престижном районе города и альбом свадебных фотографий.

Глава 4

Ей опять снился это сон.

Первый раз она видела его давно, еще в детстве. Тогда еще у нее была семья. Еще была жива мама и папа жил с ними, в вот этой самой, скромной, сорокаметровой квартирке в центре города. Здесь тогда вкусно пахло бабушкиными пирогами, а по выходным они выезжали на природу и удили на озере пузатых, с ладошку, карасей. Бабушка потом жарила их на сковородке до хрустящей, золотой корочки, и семья дружно «уплетала» их на ужин. Как же давно это было...

Мамы не стало едва Anne исполнилось двенадцать. Ее сбила машина — буквально в ста метрах от дома. Потом были цветы, венки, какие то дальние родственники, которых Анна никогда прежде не видела, суд, приговор водителю — два года условно, и момент, когда жизнь разделилась на «до» и «после».

Сон не был сказочно удивительным или страшным. В нем не было ужасных, пугающих в этом возрасте детей, деталей. Ей приснилась дверь. Анна даже не могла вспомнить фона, на котором эта дверь должна была бы располагаться. Просто огромная, каменная дверь, без каких либо особых примет. Даже без ручки, которая, совсем логично, должна была на ней присутствовать. Она ясно ощущала холод мраморного камня и невыносимое желание прикоснуться к нему. Анна тянула руки, пытаясь дотянуться до гладкой, манящей поверхности каменного полотна, но дверь, каким то непостижимым образом отдалялась от нее.

Тогда Анна не обратила внимания на этот сон. Она думала о нем пару дней, а после и вовсе забыла.

Жизнь ее заметно изменилась с уходом матери. Они больше не выезжали за город, не ели жаренных в сметане карасей, и не смеялись над папиными шутками. Он все реже бывал дома, оправдывая свое отсутствие тяжелыми временами и

плохими делами на работе. Спустя год после похорон жены, вовсе собрал вещи и съехал с квартиры. Иногда он навещал дочь, дарил безобразно — уродливых плюшевых зайцев и медведей, обещал приходить чаще, но обещаний так и не держал и скоро совсем перестал появляться в их квартире.

Бабушка Анны, после похорон единственной дочери, как то сразу состарилась. Пирог исчезли с уютной кухни, а все свое время бабушка теперь посвящала двум вещам: церкви и кладбищу. Дом опустел и перестал радовать своих обитателей.

Девушка заканчивала первый курс университета, когда ей снова приснился этот сон. Теперь она смогла более отчетливо разглядеть ее. Дверь была выдолблена в огромной глыбе черного мрамора, совсем не обработанного по краю, и отшлифованного до глянца по полотну самой двери. Свод ее был полукруглым, слегка заостренным кверху ровно по центру. Ни какого орнамента или намека на ручку на двери не было. Анне захотелось прикоснуться к ней, но и как было в первом сне, дверь оказалась на несколько сантиметров дальше ее вытянутой руки. Девушка сделала пару шагов вперед, но расстояние между ней и дверью ни сколько не сократилось. Она сделала еще несколько отчаянных попыток коснуться того, что ее так манило, но все было

тщетно. Анна так и проснулась: с вытянутыми вперед руками и с ощущением внутренней потери.

А через неделю не стало бабушки — единственного родного ей человека.

Глава 5

Влад открыл дверь своим ключом. Анны в комнате не оказалось, и он прошел на кухню. На плите весело закипал металлический чайник с коротким, широким носиком. В нем задорно отражались лучи заходящего солнца, легко проникающие сюда сквозь сетку простой занавески. Из ванной комнаты доносились звуки льющейся воды и незатейливая мелодия из популярного некогда мультфильма. Мужчина улыбнулся и принялся расставлять в холодильнике принесенные в двух пакетах продукты. Внимательно оглядев полки, он с огорчением заметил, что за время его отсутствия с них ничего почти не исчезло, за исключением пары баночек йогурта. Влад привычно стал удалять из холодильника уже просроченные продукты. Он быстро находил на упаковках отметки о сроках годности и тут же выкидывал их мусорное ведро или же, если сроки еще позволяли, ставил их назад, но уже на ближайшую полку, что бы при желании их съесть, они первыми оказались под рукой. Когда ревизия

была завершена — мусорное ведро оказалось почти полным.

Звук бегущей воды прекратился, и из ванной, шлепая босыми, мокрыми ногами по полу, укутавшись в белое, махровое полотенце, вышла Анна. От купания в горячей воде на ее щеках играл здоровый румянец, кожа уже не выглядела такой болезненно — бледной и лишь темные круги вокруг глаз девушки выдавали истинное положение вещей. Анна молча подошла к другу и, опустив руки ему на плечи, нежно поцеловала. Она всегда встречала его молча — без показного восторга и лишних, дежурных вопросов. Но в ее глазах, каждый раз, светилась неподдельная радость от встречи с ним. Потом он с удовольствием ел поджаренную с луком яичницу, запивая ее горячим чаем и блаженно жмурился, как мартовский кот на теплом, весеннем солнце, после зимней непогоды. Анна весело щебетала о чем-то своем, и мир в эти минуты, казался для него прекрасным, счастливым и беззаботным.

— Ань, а давай махнем на море, — вдруг предложил Влад, — в Крым! Там сейчас благодать, — он мечтательно запрокинул голову. Солнце, горы, а воздух... не воздух, а чистый кислородный коктейль! Будем есть вареных раков, и валяться целыми днями на теплом песке. Я опять сделаю тебе предложение, а ты, отдохнувшая и

загорелая, не посмеешь мне отказать, по тому что, эту великолепную идею подкинул я.

Анна звонко, совсем по — детски, рассмеялась. Он обожал этот смех: чистый, настоящий. Так больше ни кто из его знакомых не смеялся.

— Когда? — неожиданно быстро согласилась она, так, что Влад даже растерялся.

— Ну, думаю, недели на сборы нам хватит...

— А сейчас марш в душ и спать, — надев на себя повелительную гримасу «приказала» женщина.

— Слушаюсь и повинуюсь, — радуясь своему успеху, подыграл он Анне. Душ и сон — это именно то, что ему было сейчас нужно.

Глава 6

Крым встретил их приветливым, еще не жарким солнцем. До начала сезона оставалось много времени, и по тому, найти приличный, двухместный номер в живописном местечке Канака оказалось совсем не сложно. Территория пансионата была обустроена уютными домиками в два этажа, к фасаду которых примыкали внутренние дворики. Небольшие апартаменты включали в себя, кроме спальни, вполне обустроенную кухню, с плитой и холодильником. Море располагалось в трех минутах ходьбы по

живописным дорожкам, вдоль которых величественно росли каштаны. Здесь не было суеты и шума большого города, воздух был свеж и прозрачен. Это было именно то, что ищет человек, когда уже нет возможности сопротивляться естественному желанию организма отдохнуть после долгой московской зимы.

Анне удивительно сладко спалось здесь. Боль почти перестала терзать ее голову, круги под глазами заметно посветлели, и теперь она выглядела вполне здоровой молодой женщиной.

День был уже в полном разгаре, когда Влад приоткрыл глаза, довольно сощурившись от яркого света. Он нехотя поднялся и, накинув халат, прошел на кухню. На столе его ждали пышные румяные оладьи со сметаной. Влад любил вкусно покушать, и Анна знала об этой его слабости. Кинув многозначительный взгляд на свой, слегка располневший за последнее время животик, мужчина на мгновение остановился. Но запах свежей выпечки переборол угрызения совести и он, отбросив все сомнения с аппетитом принялся за еду.

Анна вошла в номер, довольно шурша пакетами. Увидев Влада, она стала восторженно рассказывать о проведенном времени, попутно разбирая свои «драгоценные» находки. Было смешно смотреть, как она, словно фокусник из

волшебной шляпы, вынимала одну за другой различного вида безделушки. Здесь было несколько видов раковин, одни гладкие, словно отшлифованные морем, светящиеся розово — голубым перламутром, другие массивные, рогатые, напоминающие каких-то доисторических чудовищ, третьи же походили на некие миниатюрные духовые инструменты или древние амфоры. Потом она аккуратно достала пластиковый пакет, наполовину наполненный водой. На дне пакета, в толще воды, плавно раскачивался какой-то темный предмет. Сначала Владу показалось, что это камень, но то, что он находился в жидкости, мужчину насторожило.

Смотри, — тихо сказала девушка, и аккуратно, но крепко взяв предмет двумя пальцами за края, достала его из пакета.

У «камушка» тут же, неведь откуда, появилось множество длинных, черных ножек, отчаянно ищущих хоть какую — то опору. Панцирь краба был удивительного сине-зеленого цвета, испещренный множеством светлых прожилок и напоминал рисунок мрамора.

— Красивый, правда? — скорее подтвердила, нежели спросила она, и осторожно опустила свою находку на дно пакета.

— Я полчаса за ним гонялась по камням, — смеясь, продолжила девушка. Их там тысячи! Но

такой был один! Я не могла не показать это чудо тебе, — щебетала она, продолжая доставать из пакетов все новые и новые вещи. Сейчас я переоденусь, и мы пойдем его спасать!

— Спасать от кого? — удивленно поднял бровь мужчина.

— Спасать от меня, — ничуть не смутившись, произнесла Анна, и покончив со своим «волшебством» нежно прижалась губами к щеке Влада.

Они молча шли по самой кромке прибоя, оставляя на песке следы, которые почти сразу жадно слизывала волна, унося их в ненасытное морское лоно. Анна бережно несла на вытянутых руках свою экзотическую находку и была очень увлечена этим процессом. Наконец они добрались до места, где пляж был усыпан множеством камней, и к морю тотчас зашепило многотысячное войско мраморных крабов, которым посчастливилось не быть пойманными сегодняшним утром. Женщина осторожно вылила содержимое пакета в воду и нарочито тяжело вздохнула. Влад неожиданно громко рассмеялся. Анна подняла на него удивленный взгляд и с укором в голосе, едва сдерживая смех, произнесла:

— Как же Вам не стыдно, молодой человек? Я только что потеряла друга, так сказать, что здесь смешного?

— Я просто представил, — мужчина уже не мог больше сдерживать приступы смеха, — как ты здесь за ним скакала, — он рассмеялся еще громче.

— Да как ты смеешь?! — смеясь, девушка игриво ударила Влада по плечу, — вот я тебе сейчас...

Влад, продолжая весело смеяться, бросился наутек. Он специально бежал не слишком быстро, предоставляя возможность Анне иногда догонять себя и ощущать прикосновение ее теплой ладони к своему телу.

Внезапно мужчина остановился и резко повернулся. Девушка от неожиданности, по инерции, сразу же попала в его сильные объятия. От недолгого бега ее лоб покрылся мелкими капельками пота, и сейчас она напоминала необыкновенный цветок в утренней росе. От девушки веяло морем и тонким, нежным ароматом разгоряченного женского тела. Сквозь тонкую материю легкого сарафана, Влад отчетливо слышал биение сердца подруги. Он прижался к послушному, такому желанному телу, и земля медленно стала ускользать под его ногами. Анна подняла голову, подставляя свои губы для поцелуя, и мужчина жадно, словно утомленный жарким солнцем и жаждой путник к живительному роднику, припал к ее полуоткрытому, зовущему рту. Время и место больше не имели значения. Этот

мир существовал только для них, а они — друг для друга.

На небо выползла огромная луна, заговорщицки подмигивая влюбленным. Уходить не хотелось, но ночной воздух становился все прохладнее. Анна суетливо ходила по берегу — очевидно надеясь что — то отыскать в скудном свете ночного светила.

— Я не могу найти лифчик, — несколько удивленным голосом, наконец- то произнесла девушка.

— Здесь происходят удивительные вещи... Я тебе другой куплю, — изо всех сил пытаюсь вновь не рассмеяться, произнес Влад, и, взяв подружку за руку, почти силой утащил ее с пляжа.

Глава 7

Солнце с каждым днем становилось жарче и в соответствии с этим людей, желающих погреть свои изголодавшиеся по летнему солнышку тушки, в пансионате становилось все больше. Повсюду звучала музыка, а с маленьких, пансионных двориков все чаще доносился веселый детский смех. По соседству с молодой парой поселилась не совсем обычная семья. Она состояла всего из двух человек — мамы, уже не молодой, но и еще не старой женщины и маленькой, на вид пяти-шести

лет девочки. Ребенок явно страдал тяжелой формой синдрома Дауна. По утрам они, обычно, долго сидели в номере, и порой казалось, что там вообще ни кто не живет. Изредка лишь тишину нарушал жалобный детский плач. И лишь к вечеру, мать и дитя выбирались во внутренний дворик. Женщина садилась в удобное, плетеное кресло, принималась за чтение, краем глаза наблюдая за ребенком, который пассивно сидел на лавочке. Было заметно, что его ни чего не интересовало. Девочка могла просидеть несколько часов подряд неподвижно в одной позе и, лишь выражение ее лица свидетельствовало о том, что ребенок о чем-то напряженно думает. Но потом это выражение сменялось полной апатией и дитя начинало тихо плакать. Тогда мама закрывала книжку, аккуратно поднимая девочку на руки, уходила в номер.

На удивление Владу, Анна быстро познакомилась с этой семьей. Он знал ее почти патологическую приверженность к одиночеству. Ее утомляло общество и она, с королевской вежливостью, всегда спешила покинуть любое мероприятие. Друзей у нее тоже не было, только приятели, о которых вспоминаешь лишь при случайной встрече в дверях булочной, и после дежурного «привет, как дела» с легкостью забываешь об их существовании. Теперь же девушка могла целые вечера проводить в обществе

этих людей, и было видно, что это общество ее ничуть не тяготит. Девочку звали Настенькой. Она уже узнавала Анну и даже бежала к ней на встречу, как можно быстрее перебирая своими тонкими, как прутики, кривыми ножками. Мужчина отметил для себя, что девочка очень красиво улыбается, чего он не замечал ранее. Теперь Анна брала Настеньку с собой на берег моря, и они вместе собирали «сокровища Черного моря».

Глава 8

Дворцы Бахчисарая завораживали своей красотой. В ярком свете солнца они казались просто нереально сказочными. Анну не покидало ощущение, что она попала в «зазеркалье» — страну, которую может создать только буйное воображение фантаста.

На улицах города уже продавали свежую клубнику, и многочисленные покупатели бойко торговались с добродушными продавцами. Буквально через несколько фраз, они почти вдвое снижали цену, чем привлекали еще больше желающих отведать первых, ароматных ягод. Неподалеку от знаменитого Бахчисарайского фонтана, прославленным гением Пушкина, средних лет мужичок, держа на длинном поводке животное, отдаленно напоминающее собаку, призывал всех

прохожих сфотографироваться «на долгую и вечную память» с «настоящим, диким зверем. Зверем оказался весьма потрепанный, старый енот. Зверек ловко взбирался на плечи подошедших зевак и довольно профессионально «шманал» их поклажи, выгребая цепкими лапками содержимое прямо на асфальт. Затем из общей кучи вещей хватал приглянувшуюся, и, не оглядываясь, тащил ее к хозяину. Смех окружающих, казалось, еще больше подбадривал воришку, и он, отыскав в толпе новую «жертву» снова принимался за «работу». Приметив в руках Влада яркий пакет с клубникой, енот не раздумывая взобрался на него, в мгновение ока выхватил пакет и через несколько секунд, решив не делиться в этот раз с хозяином, довольно щурясь принялся с аппетитом уплетать ягоды. Мужичок начал притворно извиняться, сетуя на то, что ни как не может отучить «бестолковое животное» от этой криминальной привычки.

— А на днях, — перейдя почему то на шепот, затарахтел владелец енота, — он женский лифчик притащил...

— Голубой? — вмешалась в разговор Анна.

— Ну да, голубой такой, — мужчина настороженно посмотрел на Влада.

— А Вы не с Канаки случайно, — задумчиво поинтересовался Влад.

— Оттуда. А Вы, что, из полиции? —